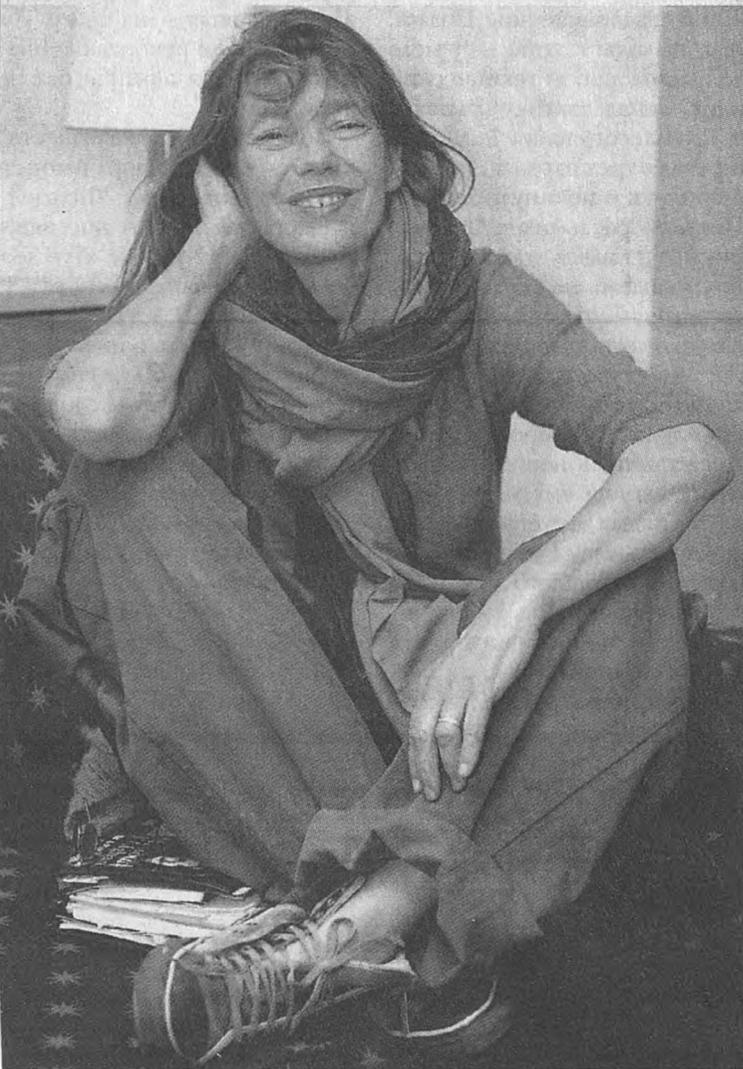

«Я буду петь Гейнсбура до самой смерти»

Джейн Биркин, никогда прежде не посещавшая страны СНГ, выступила в киевском клубе-ресторане «Персона». Дебютировавшая когда-то у Антониони, Биркин продолжает сниматься, выпустила более 15 альбомов и дала имя самой дорогой сумке в мире, но более всего известна как муза и соратница великого французского сочинителя Сержа Гейнсбура. Перед концертом Джейн Биркин ответила на вопросы корреспондента «Известий» **АЛЕКСЕЯ МУНИПОВА.**

ИЗВЕСТИЯ: Есть такая знаменитая легенда, что Гейнсбур перед смертью якобы анонимно посетил Одессу.

ДЖЕЙН БИРКИН: Ну нет, невозможно. Ближе всего к России Серж был, когда мы ездили на какие-то съемки в Югославию, в Дубровник. И он из-за этого заметно волновался, творил всякие глупости (в местном баре Гейнсбур прилюдно сжег югославскую банкноту и едва избежал депортации. — «Известия»). Знаете, в Серже было очень много славянского, он сам это часто повторял. Он был жутким романтиком, любил широкие жесты, был невероятно сентиментальным... Но и еврейского в нем тоже было очень много. Мне кажется, что в альбоме «Arabesque» я в какой-то степени попыталась отразить это парадоксальное сочетание. Английская певица с арабскими музыкантами поет по-французски — это очень в духе Гейнсбура. Да, а еще мы однажды летели из Токио транзитом через Москву, так что он был в вашем аэропорту. И его просто трясло от волнения: выскочил, купил бутерброд с салсами и жутко напугал продавщицу.

ИЗВЕСТИЯ: Вы всю жизнь поете практически только песни Гейнсбура. Это потому, что никакие другие с ними сравниться просто не могут?

БИРКИН: Понимаете, он ведь... Ну, он подарил мне самую первую песню — это была «Je T'aime... Moi Non Plus». И потом сочинял и сочинял для меня, у меня даже мысли не возникало о чужих вещах. Правда, когда мы разошлись, я подумала, что он мне больше ничего не напишет. Но он сочинил мне альбом «Baby Alone In Babylon», и на нем была одна из самых печальных песен, которую я когда-либо слышала, «Fuir Le Bonheur». Там поется о том, что надо бежать от счастья, пока оно не кончилось. Я сперва не поняла, о чем там речь — вы ведь знаете, у Гейнсбура был очень изысканный французский — а когда разобрала, начала плакать. Потому что вдруг поняла, что он мне доверил пропеть что-то очень для него важное: как будто с моей помощью высказалась самая хрупкая, недоверчивая, женская часть Гейнсбура. И он начал плакать тоже. → **СТР. 10**